

ЕВДОКСІЯ ВѢНЧАННАЯ

или

ѲЕОДОСІЙ ВТОРЫЙ

ОПЕРА

представленная въ первый разъ
при россійскомъ императорскомъ дворѣ
Апрѣля 25 го дня 1751 го года
въ торжественное воспоминаніе
коронованія
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ

самодержицы всероссійскія
и проч. и проч. и проч.
а нынѣ во вторый разъ представлена
Сентября 5 го дня 1753 го года
въ высочайшій день тезоименитства
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.

СОЧИНЕНІЕ
Г. Доктора Бонекія Флорентинца
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Стихотворца.

ПЕРЕВОДЪ
Съ Италїанскаго на россїйской языкъ тогдашняго Надворнаго Совѣтника, что нынѣ господинъ Церемонїймейстеръ, Адама Олсуфьева.

МУЗЫКА
Г. Франциска Араїя Неаполитанца
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Капель-Мейстера.

ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при императорской академіи наукъ сентября 5 дня
1753 года.

СОДЕРЖАНІЕ ОПЕРЫ.

Евдокія, супруга Императора Ѳеодосія Втораго, безпрекословно почитается отъ всѣхъ за особу острымъ умомъ и многими добродѣтельми украшенную.

Историки тогдашняго времени согласнымъ утверждаютъ свидѣтельствомъ, что она въ разсужденіи не только многихъ и достохвальныхъ душевныхъ дарованій: но и чрезвычайныя красоты, за лучшее своего полу украшеніе почитаема, и по всей восточной имперіи въ особливомъ была почтеніи.

Отецъ ея былъ Леонъ, дворянинъ Аѳинскій, и доколѣ она жила въ отечествѣ своемъ, Атенаидою называлася.

Въ то время случилося пріѣхать въ Аѳины Варанецу, сыну Издегарда, Царя Персидскаго, которой увидѣвъ Атенаиду въ нее влюбился, и хотѣлъ вступить съ нею въ супружество. Но понеже то было весьма противно отцу его, которой крайнимъ бѣдствіемъ угрожалъ Леону, естьли онъ сына его допуститъ жениться на дочери своей; того ради принуждена была Атенаида тайнымъ изъ Аѳинъ бѣгствомъ разлучиться съ Варанецомъ, и искать себѣ обще съ отцомъ своимъ безопаснаго убѣжища въ Константинополѣ,

Тамъ приняла она православную Греческую вѣру, и по святомъ крещеніи наречена Евдокіею. Добродѣтели и добронравіе вскорѣ привели Евдо-

кѣю въ знакомство и дружбу съ Пулхерїею, Ѳеодосїевою сестрою, чрезъ которыя посредство она потомъ Императору и обручена.

Въ самое то время, какъ уже Евдоксїя видѣла себя почти на высочайшей щастїя своего степени, и какъ уже къ совершенїю брака ея съ Ѳеодосїемъ день назначенъ былъ, прїѣхалъ Варанецъ въ Константинополь, и присудствїемъ своимъ общую возмутилъ радость.

Ибо онъ упросивъ наконецъ отца своего, и провѣдавъ, что Атенаида въ Константинополь скрылася, нарочно туда прїѣхалъ съ тѣмъ намѣренїемъ и съ тою надеждою, чтобъ помощїю Императора Ѳеодосїя [которой отцомъ его крайне одолженъ былъ] исполнить свое желанїе, и съ Атенаидою сочокупиться бракомъ.

Но съ несказаннымъ удивленїемъ нашелъ въ Евдоксїи любезную свою Атенаиду, уже не себѣ, но Императору невѣстою.

Крайняя досада и печаль, которыя Варанецъ о семъ нечаянномъ въ любви своей препятствїи скрыть уже не могъ, возбудили въ Ѳеодосїи ревность. Онъ свѣдавъ прежнее Евдоксїи знакомство и любовь съ Варанецомъ, и будучи внушенїями наперстника своего Хризафїя, тайнаго Евдоксїи непрїятеля, вящше раздраженъ, толь великое о ея вѣрности получилъ подозрѣнїе, что супружество свое съ нею разорвать и ее изъ Константинополя выслать вознамѣрился.

Но добродѣтельная Евдоксїя преодолѣвъ невинностїю своею всѣ тѣ препятствїя, которыя коварство, злословїе и ненависть въ щастїи

сти ея полагали, съ Ѳеодосіемъ благополучно бракомъ соединилась, и взошла на Императорскій престолъ, котораго она добродѣтельми и прочими естественными дарованіями показала себя совершенно достойною.

О сей исторіи пишетъ Сократъ въ главѣ 7. Ѳеодоритъ въ главѣ 5. Никифоръ и почти всѣ писатели Византійскія исторіи.

Для лучшія въ музыкѣ способности вмѣсто именъ Варанеца и Хризафія употреблены Камбизъ и Аттикъ.

Дѣйствіе есть въ Константинополѣ въ Императорскомъ домѣ и въ близости онаго.

Балеты въ Италіанскихъ операхъ съ представляемымъ дѣйствіемъ обыкновенно хотя никакого не имѣютъ сходства; однако въ сей оперѣ оному совершенно приличны. Первый изображаетъ торжество, которымъ корабельщики въ портѣ Константинопольскомъ изъявляютъ радость свою о благополучномъ Камбиза прибытіи, представляя басню о Галатеѣ, Полифемѣ и Ацисѣ, такъ какъ оная Овидіемъ описывается.

Вторый есть позорище, данное народу при случаѣ торжествъ Императорскаго брака, взятье Златаго руна представляющее.

Третій изображаетъ веселіе всего Ѳеодосіева двора о бракѣ семъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ѲЕОДОСІЙ II. Императоръ Греческій.

Гж. КАТЕРИНА ДЖОРДЖИ римлянка.

ЕВДОКСІЯ, прежде святаго крещенія Атенаидою нареченная, Ѳеодосіева невѣста.

Дѣв. КАТЕРИНА МАСАНИ изъ Праги.

ПУЛХЕРІЯ Ѳеодосіева сестра.

Дѣв. НУНЦІАТА ГАРАНИ изъ болоніи.

КАМБИЗЪ сынъ Издегарда, Царя Персидскаго.

Гд. ЛАВРЕНТІЙ САЛЕТТИ Флорентинецъ.

ЛЕОНЪ Аѳинскій дворянинъ, Евдоксіинъ отецъ.

Гд. ФИЛИППЪ ДЖОРДЖИ римлянинъ.

АТТИКЪ полководецъ и наперстникъ Императора, Пулхеріинъ любовникъ.

Гд. КОНСТАНТИНЪ КОМПАССИ изъ Пизы.

МАРЦІАНЪ полководецъ и начальникъ Императорскія стражи, другой Пулхеріинъ любовникъ.

Гд. МАРКА ПОЛТОРАЦКІЙ Малороссіянинъ.

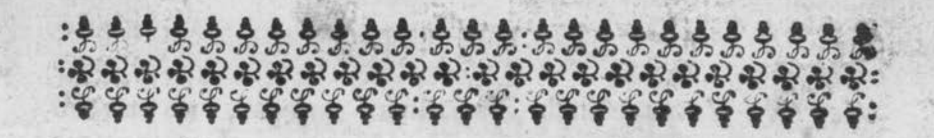
РИМСКІЕ стражи съ Ѳеодосіемъ.

ПЕРСИДСКІЕ воины съ Камбизесомъ.

ХОРЪ.

Украшенія театра и прочія машины изобрѣтены Г. Іосифомъ Валеріаніемъ, римляниномъ, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА живописцомъ и Санктпетербургскія Императорскія Академіи Наукъ Профессоромъ перспективы.

ДѢЙСТВІЕ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Театрѣ представляетъ внутреннюю Императорскаго дома комнату, въ которой на столикѣ лежитъ скипетръ, корона и прочія Императорскія украшенія.

АТЕНАИДА въ глубокомъ размышленіи сидящая, а потомъ ЛЕОНЪ.

Атенаида.

Есть ли я и при возведеніи моемъ на Императорскій престолъ такъ печальна еще быть могу; есть ли и на толь высокой щастія степени отъ страстей человѣкъ свободенъ быть не можетъ; то къ какой ужѣ пользѣ скипетръ и корона служить мнѣ будутъ! нѣтъ: Слава и честь, которыя вы раждаете [указывая на скипетръ и корону] меня не прельщаютъ, когда, восходя на тронъ, веселыхъ дней, когда покоя сердцу, съ вами не получаю. Ахъ! есть ли съ толикимъ трудомъ . . . Но се отецъ мой! . . . О коль пріятно мнѣ теперь его присутствіе! отъ тебя, любезный мой родитель, отъ тебя ожидаю я успокоенія въ печаляхъ духъ мой смущающихъ! буди день сей, которой радостнымъ твоимъ ко мнѣ пришествіемъ начинается, въ радости нами и препровожденъ!

Леонъ.

Леонъ. Употребимъ дражайшая дщерь, къ пользѣ нашей сіи послѣднія минуты, въ которыхъ могу еще, какъ отецъ, говорить съ тобою откровенно. Вскорѣ увидишь ты себя множествомъ ласкателей окруженну, тронъ только для собственныя своея корысти почитающихъ, и не услышишь ужѐ, такъ какъ прежде сего, изъ устъ ихъ правды; притворствомъ и лестію непомраченныя.

Атенаид. Говори: я непрекословно совѣтамъ твоимъ послѣдую.

Леонъ. Въ сей день судьба на престолъ тебя возводитъ. Но вспоминай всегда кто ты была. Аѳины твое отечество; тамо ты родилася, хотя и отъ славныхъ предковъ, но не отъ Царскія крови; тамъ Атенаидою ты нареченна; тамъ посреди наукъ воспитана; тамъ въ красотѣ и добродѣтеляхъ возрасла.

Атенаид. Ты въ трудномъ добродѣтелей пути былъ мнѣ всегда предводителемъ.

Леонъ. Знаешь, что Камбизъ Князь Персидскій, приплывъ ко брегамъ Греціи, въ ту самую минуту, въ которую онъ тебя увидѣлъ, тебя и любить началъ.

Атенаид. По твоему соизволенію, ахъ горестное воспоминовеніе! взаимно и я его любила.

Леонъ. Я усмотря его толь многими душевными дарованіями укра́шенна, за свирѣпство поставлялъ противиться его любви, отъ которой

Барсовъ

торой могло произойтить крайнее твое благополучїе. Я въ мысляхъ тебя ужѐ вображалъ себѣ, на Персидскомъ престолѣ сидящу.

Атенаид. Но всю къ тому надежду, тайное наше изъ Аѳинъ бѣгство вдругъ въ ничто обратило!

Леонъ. Правда: Камбизова къ тебѣ любовь, отцу его, жестокосердому Издегарду была неугодна. Онъ въ ярости своей клятвою опредѣлилъ погибель нашу, и былъ ужѐ готовъ къ произведенію оныя. Однако я, спасаясь бѣдъ, немедлѣнно отечество оставилъ, и съ тобою въ Византію скрылся; перемѣнилъ прежнее твое имя, и вмѣсто Атенаиды назвалъ тебя Евдоксїею; отдаю тебя Пулхеріи, а она брату своему; ее твоя добродѣтель, его красота твоя прельщаетъ; онъ желаетъ тебя въ супружество; я на то соизволяю; и въ сей день увижу, совершеніемъ брака вашего, верьхъ и сугубое всѣхъ желаній моихъ исполненїе; днесь ты Ѳеодосїева невѣста и Императрица.

Атенаид Но и на тронѣ . . .

Леонъ. Можешь быть щастлива и на тронѣ, когда только послѣднія отца твоего наставленія наблюдать будешь, и когда чрезъ оныя побѣждать страсти научишся. Правда: Императоръ тебя любитъ: о тебѣ вздыхаетъ: отъ тебя покой его зависитъ. Но думай, что время нынѣшнюю его къ тебѣ горячность,

ность, есть ли и не вовсе изъ сердца его искоренить; однако уменьшить можетъ. будь ему всегда вѣрна: будь терпѣлива: будь скромна. И хотя его къ другой красотѣ любовію воспаленнымъ увидишь; непріятными жалобами его не раздражай, и непостоянство его сноси великодушно. Супруга тѣмъ не пріятнѣе, чемъ больше ревности являетъ; однимъ только терпѣніемъ измѣна невѣрныхъ сердецъ посрамляется, а ревность любви никогда не возвращаетъ.

Атенаид. Я такова буду, какову ты меня видѣть желаешь, и стану во всемъ волѣ супруга моего повиноваться.

Леонъ. Пулхерію, за ея къ тебѣ благодѣянія, содержи всегда въ почтеніи: отъ нея происходитъ нынѣшнее твое благополучіе; ты ей благодарность свою, сколько можешь, всегда оказывать должна; подражай примѣрамъ, которые она являетъ тебѣ своими поступками: къ защищенію правосудія и къ награжденію заслугъ будь всегда готова: къ ласкательнымъ Аттика рѣчамъ вѣры не прилагай; онъ у Императора хотя и въ милости, но знай, что скрываетъ въ себѣ сердце ко всякимъ злодѣйствамъ склонное; не являй ему ни гордости, ни презрѣнія, однако смотри, чтобъ онъ должнаго достоинству твоему почтенія никогда не забывалъ; въ нещастіи имѣй неколеблемую

души твердость, а въ щастіи не превозносися; о природѣ твоей воспоминай и на престолѣ сидяща, и вѣрь, что сіяніе и самыя чистѣйшія добродѣтели высокомѣріемъ помрачается.

Къ Аѳинскимъ брегамъ.

Обращай иногда твой взгляды
И великолѣпіемъ трона
Не давай, дражайшая дщерь! себя ослѣпить.
будешь совершенно щасплива
Есть ли въ памяти твоей всегда сохранишь
Сіи, отца, которой тебя любитъ,
Послѣднія слова.

(отходитъ)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АТЕНАИДА, а потомъ ПУЛХЕРІЯ.

Атенаид. Но Ахъ! куда стези мои ни обращаю, вездѣ образъ Камбиза за мною слѣдуетъ. Престань, престань меня мучить, дай сердцу покой. Дай мнѣ показать первый плодъ совѣтовъ отца моего: хочу разорвать прежніе узы, и когда ужѐ даю Ѳеодосію руку; то хочу, чтобъ и сердце мое къ нему только одному любовію пылало. Тебя, о честь! добродѣтель моя днесь въ помощь призываетъ; а ты прежній пламень сокройся въ груди моей! и должность любовницъ уступай теперь, уступай должности невѣсты!

Пулхерія. Трудамъ моимъ любезная Евдоксія, съ веселіемъ вижу я теперь вожделѣнный конецъ! бракъ, которой тебя съ братомъ моимъ соединитъ, въ сей день совершится. Все государство о Евдоксіи и ея добродѣтели съ радостнымъ восклицаніемъ торжествуетъ. Днесь Императорскій вѣнецъ главу твою увѣнчаетъ.

Атенаид. Тебѣ великодушная Пулхерія, тебѣ толь щастливый успѣхъ приписуетъ сердце мое благодарностію исполненное.

Пулхерія. Византія ужѐ въ необычайномъ великолѣпіи зрится, едва объять ужѐ можетъ неисчетное разныхъ народовъ множество; и Камбизъ, чтобъ бракъ твой присудствіемъ своимъ почтить, вскорѣ сюда ожидается.

Атенаид. Кто?

Пулхерія. Камбизъ, сынъ великаго Издегарда.

Атенаид (увы! погибаю!)

Пулхерія. Зрителя торжествѣ брака твоего, знатние его, могла ли ты ожидать?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

МАРЦІАНЪ и прежніе.

Марціан. Но ахъ! онъ не простымъ только зрителемъ, но женихомъ въ градъ сей ѣдетъ.

Пулхер. Камбизъ женихъ! кому?

Атенаида.

Атенаид. (Слыша его имя , вся кровь во мнѣ хладѣетъ)

Марціан Позволь Княжна , чтобъ о сей непріятной вѣсти я больше ужѐ не упоминалъ.

Пулхер. Нѣтъ : не опасайся ничего , говори смѣло.

Марціан. Камбизъ тебя въ супружество себѣ желаетъ

Пулхер. Меня ?

Марціан. По всему городу молва о томъ ужѐ носится , и Императоръ къ общей радости всего народа на то соизволяетъ.

Пулхер. И Марціанъ ?

Марціан. О боже! Марціанъ по нещастію своему родился подданнымъ.

Атенаид. [Ахъ, какое чувствую я теперь въ сердцѣ моемъ беспокойство !]

Пулхер. Скажи Евдоксія , для чего радостное сіе извѣстіе такъ тебя смущаетъ ?

Атенаид. Тщетно стараюся открыть тому причину : знаю, что напрасно безпокоюсь; но не могу побѣдить внутреннюю и мнѣ самой неизвѣстную печаль , которою сердце мое терзается.

Не знаю какая скорбь
Страхъ въ меня вселяетъ :
Но бѣдное сердце ,
Въ груди моей страдая ,
Не чувствуетъ веселья ,
Лишается покоя.

Ахъ! есть ли духъ мой еще смущенъ быть можетъ,
Въ то время, когда я на престолъ восхожу;
То въ какой ужѐ надеждѣ искать покоя.
И гдѣ его получить могу?
(отходитъ)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ПУЛХЕРІЯ и МАРЦІАНЪ.

Пулхер. Но какая толь странныхъ премѣнъ причина быть можетъ? чтожъ! или и толь радостный случай скорбь и мученіе производитъ? Евдоксія печальна! Марціанъ вздыхаетъ;

Марціан. Ахъ! Пулхерія, многова лишится съ тобою Греческая имперія! присутствія твоего требуетъ общая польза; и есть ли безъ твоихъ совѣтовъ . . .

Пулхер. Такъ развы ты хочешь, чтобъ я Издегарду, брата моего союзнику и другу, не отвѣтствуя желанію сына его, неблагодарною себя показала? Знаешь, что ему Ѳеодосіево и мое воспитаніе отъ отца нашего Аркадія поручено было, и что ему благодарить мы должны за покой: которымъ Византія и Востокъ нынѣ пользуются. Сверьхъ того, могу ли я презрѣть корону, которая подвергнетъ Ѳеодосіевой крови, и ту часть свѣта, которою онъ еще не обладаетъ? говори Марціанъ: и помоги мнѣ своими совѣтами.

вѣтами. Но наблюдай, чтобъ въ нихъ никакова пристрастія, кромѣ одной справедливости и того, чего моя честь требуетъ, не было.

Марціан. Ахъ, къ чему ты меня принуждаешь? коль великаго и коль труднаго вѣрности опыта отъ меня требуешь? испытуй сама внутреннія сердца твоего движенія, и рассуждай по онымъ, понуждаютъ ли они тебя дать Камбизу руку или ему отказать?

Пулхер. Нѣтъ: въ супружествахъ особъ къ трону рожденныхъ, не любовь, но всенародную пользу всегда за первое основаніе полагать должно.

Марціан. Но она точно и твоему съ Камбизомъ супружеству противится. Крѣпчайшіе столпы, на которыхъ тронъ брата твоего утверждается, суть мудрые и полезные твои совѣты, и станетъ колебаться, естьли тебя здѣсь больше не будетъ; можетъ быть, что Ѳеодосій лишась всегдашнія твоея помощи, тяжкаго бремяни правленія одинъ ужѐ не снесетъ. А естьли Издегарду не хочешь показаться неблагодарною; такъ здѣлай, чтобы Камбизъ по прибытіи своемъ, нашелъ тебя съ другимъ, бракомъ ужѐ сочетанну. Можешь и здѣсь достойнаго, по склонности своей, избрать себѣ супруга; и будь намъ . . . . .

Пулхерія.

Пулхер. Скажи Марціанъ : по одной ли только къ отечеству ревности такіе мнѣ даешь совѣты ?

Марціан. О боже!

Пулхер. Не опасайся ничего.

Марціан, будь довольна моимъ молчаніемъ и моею робостію. Можетъ быть, что я ужѐ и такъ съ бо́льшею смѣлостію говорилъ, нежели подданному прилично, и что я чрезъ то ужѐ больше преступилъ предъ тобою, нежели повѣрить можешь. Пускай сердце мое въ невинности страдаетъ, называй ревность мою, коли хочешь, любовію.

Пулхер. Я о твоей къ отечеству усердной вѣрности нимало не сумнѣваюся; и для того совѣтамъ твоимъ слѣдовать хочу. Поди Марціанъ, поди употреби всѣ средства и силы, чтобъ разорвать узы, которыми меня съ Камбизомъ соединить хотятъ. Здѣлай, чтобъ братъ мой на то согласился. А я довольна, когда чрезъ твои старанія Византію оставить принуждена не буду.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

АТТИКЪ и прежніе.

Аттик. Но безъ моего согласія суетно, Пулхерія, въ желаніи твоемъ предъуспѣть надѣешся.

Марціан. Кого я предъ собою вижу? О несносное Аттика присутствіе!

Пулхерія.

Пулхер. Ты здѣсь! какая то смѣлость?

Аттик. Не гнѣвись Пулхерія, я услышавъ намѣреніе твое нарочно сюда пришелъ, представить къ твоей услугѣ всю мою у брата твоего возможность и силу: я ко всему, чего бы ты ни желала, могу его склонить.

Пулхер. Молчи: когда о моемъ покоѣ столько усердствовать ты началъ? Кто отъ тебя помощи требовалъ? Правда, благополучіе Пулхеріи много отъ тебя зависитъ. Милостію, которую Императоръ тебѣ являетъ, столько не гордись: близко паденія стоитъ тотъ, кто щастіемъ своимъ безумно превозноситтся.

Аттик. Моя ревность . . . .

Пулхер. И ревность, когда предѣлы свои превосходитъ, преступленіемъ бываетъ; жди, доколь о помощи твоей просить тебя буду.

Аттик. Но гнѣваться на меня не имѣешь причины. Ахъ, не извѣстно еще тебѣ, что прекраснымъ твоимъ взоромъ зараженъ, я ужѐ давно тайною любовію страдаю! и есть ли умилясь надомною не презришь моего сѐрдца. . . .

Пулхер. Престань дерскій! больше не говори, и вспомни, кто я и кто ты.

Съ коварнымъ твоимъ сердцемъ
Далеко изъ глазъ моихъ бѣги.
Несносною ужѐ надутъ ты гордостію,
Малѣйшимъ щастіемъ превозносясь.

О! есть ли бы твое намѣренїе
Императоръ совершенно зналъ;
Столь строго наказалъ бы тебя непотребнаго,
Сколь много онъ понынѣ тебя любилъ.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

АТТИКЪ и МАРЦІАНЪ.

Аттик. Поди: вскорѣ увижу гордость твою утоленну.

Марціан. Такъ ли сестру Государя своего, Аттикъ почитаетъ?

Аттик. Не говори: но признайся Марціанъ, что съ досадою сильнѣйшее намѣренію твоему препятствіе во мнѣ находишь; скажи, что ты только одинъ Пулхерію на меня ко гнѣву возбуждаешь; скажи, что тебѣ несносно, что Императору моя служба твоей угоднѣе.

Марціан. Обманываешся Аттикъ, я не столько пекуся о милости, сколько добродѣтель и заслуги мои показать стараюся.

Аттик. Но когда пулхерія презираетъ мою любовь; то по меньшей мѣрѣ не допущу, чтобъ другой о моемъ нещастіи радовался. Не думай, что я напрасно слова теряю, увидишь, что при моихъ слезахъ Марціанъ смѣяться не будетъ.

[отходитъ]

Марціанъ

Марціан. Сердце мое твоихъ угрозъ, непотребный, не страшится. И естьли только мой пламень той, къ которой я пылаю, не противенъ; такъ ужѐ тщетно искать будешь моей погибели. Знай, что чемъ свирѣпѣе рокъ, тѣмъ больше моя твердость.

Не страшитъ меня свирѣпство противнаго рока.
Презираю бѣды и напасти;
И пламя, въ сердцѣ моемъ
Любовію произведенное,
Съ неподвижною твердостью
Вѣрно всегда сохраню.
Кто любитъ постоянно,
Тотъ посреди мученія
Вѣрность свою укрѣпляетъ,
И усугубляетъ свою любовь.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ѲЕОДОСІЙ Императорскою стражею препровожденный и АТЕНАИДА.

Ѳеодосій. Къ радостному и великолѣпному брака нашего торжеству все ужѐ уготовано, твое только любезнѣйшая Евдоксія, не достаетъ дражайшее присутствіе. О коль великимъ ужѐ, о послѣдуемомъ вскорѣ сердецъ нашихъ соединеніи, восхищаюся веселіемъ! ужѐ повсюду, куда ни обращаю взоръ мой, вижу общую подданныхъ ра-

досшь, неисчетными ѡбразами изъявляющуюся.

Атенаид. Отъ твоихъ, Государь, повелѣній зависитъ моя судьбина, ужѐ зришь меня готову приступить къ олтарю съ тобою.

Ѳеодосій. Совершеніе желанія моего на немногія минуты отложить, и Камбизова къ намъ прибытія я еще обождать долженъ: Вскорѣ здѣсь его увидимъ: Леонъ къ нему на въ стрѣчу отъ меня ужѐ посланъ.

Атенаид. А ты вѣришь, Государь, что приплытію его къ здѣшнимъ брегамъ Пулхерія виновна? И что онъ, въ намѣреніи получить ея сердце, сюда ѣдетъ?

Ѳеодосій. Какая же иная красота сюда его привлекаетъ?

Атенаид. О боже! кто можетъ знать . . . . .

Ѳеодосій. Но что оная красота въ моихъ рукахъ, и что отъ меня получить ее надѣется, самъ Камбизъ въ письмѣ своемъ объявляетъ.

[Показывая Атенаидѣ отверстое письмо]

Атенаид. Но естьли сестрѣ твоей онъ непріятенъ, и она не похочетъ . . . . . .

Ѳеодосій. Довольно знаетъ Пулхерія, коль великая отъ сего супружества произойдетъ государству польза; и для того ничемъ и никакою отговоркою желанію моему сопротивляться не можетъ.

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Аттикъ съ великою спѣшностію пришедшій и прежніе.

Аттик. Однако Пулхерія твоей, Государь, волѣ противится.

Өеодосій. Какъ! что слышу!

Атенаид. [Увы! я то предвидѣла.]

Аттик. Я слышавъ, Государь, ея рѣчи, самъ тому свидѣтель; но можетъ быть не имѣла бы она отъ сего супружества толикаго отвращенія, естьли бы нѣкто невѣрный изъ подданныхъ твоихъ, который сердце и руку ея желать дерзаетъ, къ упорству ее не побуждалъ.

Өеодосій. Гдѣ сей дерзскій преступникъ, который сердце сестры моея привращать къ себѣ отваживается? обьяви мнѣ сего измѣнника имя; и вѣрь, что достойнаго не избѣжитъ наказанія.

Аттик. До толикія въ продерзостяхъ крайности доходитъ Марціанъ. Онъ гордости своей ужѐ никакихъ предѣловъ не полагаетъ; никто ужѐ отъ него въ безопасности быть не можетъ, да и въ мою защиту, твоя Государь милость, едва довольна; съ равнымъ презрѣніемъ угрожаетъ всѣхъ, кто ему ни противится, и естьли . . .

Атенаид. Съ излишнымъ огорченіемъ Аттикъ, на Марціана жалобу ты приносишь; ужѐ знаетъ его преступленіе Императоръ . . .

Θеодосїй. И накажетъ его. Удалю Марціана отъ двора моего, и хочу, чтобъ онъ въ изгнаніи горестные дни до тѣхъ поръ провождалъ, пока Пулхерія къ супружеству съ Камбизомъ склонится.

Атенаид. Но подумай Государь, что Марціанъ всѣмъ войскомъ, надъ которымъ отъ тебя вышшая власть ему поручена, весьма любимъ.

Θеодосїй. И для того то явныя къ нему немилости теперь еще не явлю; но здѣлаю, чтобъ и наказаніе казалося быть награжденія знакомъ: пошлю его усмирять продерзость взбунтовавшихся противъ меня болгаровъ, а до возвращенія его, тебѣ Аттикъ, поручаю я Императорскую мою стражу. Поди: объяви ему мое повелѣніе, къ непрекословному онаго исполненію его уговори, и тѣмъ воспрепятствуй, чтобъ онъ новымъ преступленіемъ къ вящшему гнѣву меня не возбудилъ.

Аттик. [О щастіе поспѣшествуй мнѣ въ намѣреніи моемъ !]

Θеодосїй. Но ты любезная Евдоксія, для чего смущаешся ?

Атенаид. Ахъ ! Марціаново . . . . .

Θеодосїй. Преступленіе его, какое съ любовію нашею имѣть можетъ свойство ? Вскорѣ тщетными увидишь необузданную его гордость и измѣнническое коварство. Но подумай драгая, что въ радостную сію минуту, въ которую бракъ меня съ тобою соединитъ,

соединитъ, и отъ которой все мое благополучіе, веселіе и покой единственно зависятъ, меня крайне оскорбляетъ неправедная твоя печаль.

Ты нѣжную страсть сердца
Вѣрно мнѣ сохрани. } къ Атенаидѣ.
Ты старайся умѣрить
безумную дерзость
Необузданныя его души,
Гордаго его сердца. } къ Аттику.
Покажи опять, драгая! въ лицѣ своемъ веселье,
Одна только печаль твоя
Сердце мое
Огорчить можетъ.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

АТТИКЪ и АТЕНАИДА.

Аттик. Врага моего уже и Евдоксія защищаетъ! Ахъ, вижу въ сей день, въ твою, нещастный Аттикъ, погибель, всѣ напасти устремлены! всякъ ищетъ твоего паденія, всякъ . .

Атенаид. На кого ты жалобу приносишь? Кромѣ самого себя врага никакого не имѣешь: Враги твои суть собственная твоя злоба и ненависть. „Я радоваться стану, есть ли „Императорской къ тебѣ милости новые „опыты и впредь всегда получать будешь. „Но стерпѣть никакъ не могу, чтобъ ты

„въ моемъ

„въ моемъ присутствіи и невеликое преступленіе такъ ненавистнымъ, такъ важнымъ Императору изображалъ, и разными „хитрости способами приводилъ его на „гнѣвъ.„ Оставь прошу, оставь коварные сіи происки; на заслуги другихъ завистливымъ окомъ не смотри, и помни, что рѣдко щастливый конецъ имѣетъ тотъ, кто на погибели другихъ старается основать свое благополучіе.

[отходитъ]

Аттик. Къ чему вредительная любовь, къ чему ты меня приводишь! Ты только одна другихъ на меня злобѣ, лютому моему мученію и преступленіямъ виновна. Твой, неблагодарная Пулхерія, зракъ и имя потщуся истребить изъ памяти моей; потщуся получить прежнюю свободу и низвергнувъ иго сердце мое обремѣняющее . . . но о боже! . . . нѣтъ силъ моихъ.

Удаляясь отъ нея
О коль суетно ищу я покоя!
Кажуся быть крѣпокъ: о боже!
А сердце трепещетъ въ груди моей.
Но скрой мой духъ!
Скрой чувствуемое тобою терзаніе,
Чтобъ сія мучительница,
Слыша жалобы твои, не радовалась.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Портъ Константинопольскій къ пріѣзду Камбиза великолѣпно украшенный и множествомъ кораблей наполненный.

Римскіе стражи строемъ поставленные, Персидскіе воины и народъ.

ХОРЪ.

Взойди на берегъ сей
О Князь! о честь Персидскаго трона!
Съ веселіемъ тебя здѣсь ожидаемъ.

Пріиди усугубить присутствіемъ твоимъ
Общее всего народа
Удовольствіе и радость,
Которыми Императорскій бракъ сердца наши исполняетъ.

Между тѣмъ какъ пѣніе хора продолжается, пристаютъ корабли къ берегу. А потомъ при играніи воинскія музыки и Камбизъ, придворными своими и Персидскими воинами препровожденный съ корабля своего на берегъ выходитъ.

КАМБИЗЪ встрѣчаемый ЛЕОНОМЪ.

Камбиз. Правдиво, какъ вижу я теперь, сказано мнѣ было, что Леонъ въ Византіи нынѣ. О коль великую и неожидаемую, о пріятной сей встрѣчѣ, ощущаю я въ себѣ радость! и видя тебя предъ собою, коль щастливаго

стливаго успѣха въ намѣреніи моемъ ожидать ужѐ могу!

Леонъ. Въ радостный сей день, за особливое Императоръ поставляетъ себѣ щастіе, торжество брака своего, присутствіемъ толь славнаго Героя, видѣть почтеннымъ. Дружескими объятіями принять тебя Государь, желаетъ нетерпѣливно.

Камбиз. Къ пріятному свиданію нашему, время еще будетъ: мнѣ склонность и любовь его ко мнѣ довольно ужѐ извѣстны. Но теперь другъ мой, о Атенаидѣ со мною говори. Скажи: гдѣ она? и сохраняетъ ли въ сердцѣ своемъ прежнюю ко мнѣ любовь? Пойдемъ, проводи меня къ ней.

Леонъ. Что ты, Государь, говоришь? Ахъ, не упоминай ужѐ имени дочери моей! знаю, что другая красота, которая сéрдца твоего больше достойна, нежели она, во градъ сей тебя привлекаетъ. Пулхерія тебѣ невѣста.

Камбиз. Пулхерія! скажи, кто выдумалъ сію странную басню?

Леонъ. О семъ Императора увѣрило своеручное твое письмо.

Камбиз. Теперь я понимаю. Въ то время, какъ ты скрываяся отъ гнѣва отца моего, изъ Аѳинъ выѣхалъ искать себѣ убѣжища въ здѣшней странѣ, писалъ я къ Ѳеодосію, что отъ него зависитъ мое благополучіе, и что онъ въ своей имѣетъ власти ту, которая сердцемъ

цемъ моимъ обладаетъ. Но я о Атенаидѣ, а не о сестрѣ его помышлялъ.

Леонъ. И теперь ты пріѣзжаешь . . . .

Камбиз. Пріѣзжаю теперь сюда съ тѣмъ, что хочу сердце мое, руку и тронъ въ даръ поднести Атенаидѣ.

Леонъ. Но отецъ твой . . . . .

Камбиз. Зжалясь надо мною, отецъ мой, на конецъ уже соизволяетъ моему съ Атенаидою супружеству: и претворивъ въ милость прежній гнѣвъ свой, самъ уже нетерпѣливно ожидаетъ той минуты, отъ которой зависитъ все мое удовольствіе.

Леонъ. Увы! какой нечаянной и жестокой ударъ меня теперь поражаетъ!

Камбиз. Ты Леонъ смущаешься и мнѣ не отвѣчаешь! скажи, для чего молчишь? Для чего взоръ твой въ землю упираешь? О боже! Леонъ меня такъ принимаетъ! Ахъ! удовольствуй нетерпѣливное мое желаніе, пойдемъ, пойдемъ, представь меня моей любезной.

Леонъ. Тщетно тѣмъ себѣ ласкаешь. Забудь прежнюю твою страсть и дочь мою; не упоминай уже больше имени ея предомною.

Камбиз. Что слышу я, о Небо! или уже лишилась живота Атенаида?

Леонъ. Нѣтъ: Атенаида еще жива; но увы не для тебя Камбизъ.

Камбиз. Какъ?

Леонъ. больше сказать тебѣ не могу.

Камбиз. Выведи меня изъ сумнѣнія; окончай Леонъ, безпокойство мое и мученіе. Ахъ! когда свирѣпый рокъ лишаетъ меня Атенаиды; мнѣ свѣтъ противенъ и животъ несносенъ.

Леонъ. Опредѣленную ужè ей судьбину, отмѣнить теперь поздно; отъ родительской власти Атенаида ужè не зависитъ. Повинуйся Князь; повинуйся року твоему, и излишною печалью напрасно себя не губи. А вы [къ предстоящимъ римскимъ стражамъ и корабельщикамъ.] исполните Императорское повелѣніе; потщитеся дать Камбизу знаки общія о прибытіи его радости; представьте Галатеины, Ацисовы и Полифемовы похожденія; потомъ препроводите его въ Императорскіе чертоги, и въ радостный сей день прославленіями имени его да исполнятся вcѣ градъ сей облежащія мѣста!

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕНАДЕСЯТЬ.

КАМБИЗЪ.

Камбиз. Постой . . . . позволь . . . нѣтъ, Леонъ меня не слышитъ. Ахъ какая скрывается въ рѣчахъ его тайна! тщетно ужè ищу получить Атенаиду! не ужèли я крайнюю къ ней любовь истреблять долженъ? Или хочешь, немилосердый Леонъ, вторичнымъ бѣдствомъ отнять у меня Атенаиду? Поди: ищи себѣ убѣжища при отдаленнѣйшихъ

шихъ морскихъ брегахъ; скрывайся на каменныхъ горахъ, въ вертепахъ и въ лѣсахъ. Нѣтъ: не найдешь горъ толь высокихъ, вертеповъ толь глубокихъ и лѣсовъ толь непроходимыхъ, гдѣ бы ты могъ сыскать спасенія отъ ярости воспаляющей сердце и духъ мой. Увидишь . . . . . увы нещастный я! . . . . коль великимъ бѣдамъ свирѣпый рокъ меня подвергаетъ! Я ужè чаялъ противныхъ вѣтровъ ярость въ пріятную тишину быть премѣненну; но о боже! опять себя вижу посреди буръ грозныхъ.

Слышу въ округъ себя
Сражающихся вихрей ужасный ревъ
И мглою помрачается солнца видъ.
Куда ни обращаю взоръ мой
Вездѣ объемлетъ страхъ,
Вездѣ грозятъ бѣды.

О любовь! которая въ грудь мою
Нѣжную вселила страсть,
Возврати мнѣ любезную
И дай бѣдному сердцу съ отрадою покой

Римскіе стражи и корабельщики, для изъявленія общаго веселія о благополучномъ Камбиза прибытіи, представляютъ басню о Галатеѣ, Ацисѣ и Полифемѣ, а потомъ слѣдуетъ балетъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ изображаетъ галерею Императорскаго дома подлѣ Атенаидиныхъ комнатъ.

ѲЕОДОСІЙ и КАМБИЗЪ.

Ѳеодосій. Смѣло требуй отъ меня Камбизъ, того, чего ты желаешь: Я все здѣлать для тебя готовъ. Знаешь, что для того только на нѣсколькія минуты отложилъ я совершить мое благополучіе, что бы въ то самое время, въ которое я съ Евдоксіею соединяюсь, и твои исполнить желанія.

Камбиз. Но и то, Государь! знаю, что малѣйшія медлѣнія любовникамъ мучительны; ради того совершеніе брака твоего ужѐ не отлагай. Я, какъ гость, желаю послѣ обрученія препроводить тебя съ Евдоксіею въ Императорскіе твои чертоги: а потóмъ открою тебѣ свое намѣреніе.

Ѳеодосій. Когда ты того хочешь; я волю твою исполню. Поди [къ одному стражу, которой выслушавъ Императорское повелѣніе отходитъ] объяви моей невѣстѣ, что я здѣсь ее ожидаю. Теперь, теперь увидишь Камбизъ, ту, которая сердцемъ моимъ обладаетъ; увидишь прекрасное ея лице, тихій и пріятный нравъ и потóмъ рассуждай, имѣю ли я причину такъ нетерпѣливно желать моего съ нею сочетанія?

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

АТЕНАИДА и прежніе.

Атенаи. Се Государь! стою предъ тобою, слѣдуя твоему повелѣнію.

Камбиз. О небо! что я зрю? [не Атенаиду ли вижу?]

Атена. [Увы! здѣсь нахожу Камбиза?]

Ѳеодосій. Ты Князь блѣднѣешь! скажи, какая тому причина?

{Атенаида при выходѣ на театрѣ увидя Камбиза вдругъ останавливается.}

Камбиз. Она Государь, твоя невѣста?

Ѳеодосій. Она.

Атенаи. [О лютое мученіе!] {Приближаясь по маленьку къ Ѳеодосію.}

Камбиз. И имя ея Евдоксія?

Ѳеодосій. Такъ: Но сама ему обьяви имя свое и состояніе. Видишь Камбиза предъ собою . . . {Ѳеодосій беретъ Камбиза за руку, чтобъ представить его Атенаидѣ.}

Камбиз. Ахъ? не говори; довольно ужѐ и такъ [о боже!] она меня знаетъ. Какой жестокой и несносной поражаетъ меня ударъ! теперь понимаю я Леоновы словà; теперь усматриваю сумнительствѣ его причину. И я бы спокойно смотрѣть сталъ . . . . . . ахъ нѣтъ . . . . не допущу ихъ соединенія, и въ ярости моей . . . но что я говорю! . . . . . . О боже! . . . . нѣтъ: не могу ужѐ удержать ярости волнующіяся

нующіяся и обезумленныя моея души . .
. . . Скроюсь теперь отъ нея . . . .
Въ удаленіи пойду искать отрады въ лютой моей печали ; ужѐ не могу больше на нее смотрѣть.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ѲЕОДОСІЙ и АТЕНАИДА.

Ѳеодосій. Что значитъ толь великое Камбизово восхищеніе ? Кто тому причину подалъ ? Выведи меня Евдоксія изъ сумнѣнія. Какъ ! ужѐ прежде сего Камбизъ тебя знавалъ ?

Атенаи. Правда : подъ другимъ именемъ въ Аѳинахъ Камбизъ меня зналъ.

Ѳеодосій. Ты въ Аѳинахъ называлася . . .

Атенаи. Атенаида было прежнее мое имя.

Ѳеодосій. Тамъ Камбизъ тебя видѣлъ ?

Атенаид. Онъ тамъ [по нещастію моему !] меня видѣлъ , и любилъ.

Ѳеодосій. О небо , что слышу я ? Скажи : не горѣла ли и ты пламенемъ взаимныя къ нему любви ?

Атенаид. Правды отъ тебя , Государь ! скрывать не хочу : я его любила. безъ стыда и безъ принужденія въ побѣжденной страсти признаваюся.

Ѳеодосій. Не желалъ ли тебя Камбизъ себѣ въ супружество ?

Атенаида.

Атенаид. Онъ съ тѣмъ намѣреніемъ меня любилъ.

Ѳеодосій. Что же союзу вашему препятствовало?

Атенаид. Я была подвластна волѣ отца моего.

Ѳеодосій. Какъ? Леонъ противенъ былъ любви, которая бы тебя на Царскій престолъ возвела?

Атенаид. Онъ опасаясь гнѣва раздраженнаго противъ насъ Издегарда, тайнымъ изъ Аѳинъ бѣгствомъ съ Камбизомъ меня разлучилъ, и приплывъ къ здѣшнимъ брегамъ нашелъ себѣ въ Византіи безопасное убѣжище. Здѣсь я премѣнила законъ свой и имя: угодна стала я Пулхеріи, и отъ нея происходитъ первое нынѣшняго моего благополучія начало.

Ѳеодосій. Престань: больше не говори. Все ужѐ теперь знаю. Увы, коль ужасное вскрылося глазамъ моимъ позорище! О какое безпокойство терзаетъ мои мысли!

Атенаид. Какія Государь, слышу я отъ тебя слова! помысли, что о моей къ тебѣ вѣрности . . Ахъ! Есть ли бы ты видѣлъ . . . .

Ѳеодосій. Ужѐ и такъ вижу я больше, нежели ты думаешь: довольно ужѐ понимаю то, что ты въ сердцѣ своемъ скрываешь . . .

Атенаид. Такую ли мзду воздаешь ты мнѣ за мою искренность? есть ли моя невинность . . .

Ѳеодосій. Поди неблагодарная! скройся изъ глазъ моихъ. На краткое только время удерживаю еще ярость озлобленнаго моего сердца.

Атенаид. [Увы мнѣ безщастной! о лютый день!]
[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ѲЕОДОСІЙ, а потомъ ПУЛХЕРІЯ.

Ѳеодосій. О звѣзды! помышляя только о томъ чувствую, что вся во мнѣ кровь перемѣняется! Камбизъ ее любитъ! и сіе понынѣ таила Евдоксія, чтобъ меня не раздражить! Съ трепетомъ праведнаго моего гнѣва ужасайся неблагодарная! клянуся небомъ, что когда ужѐ моя не будешь; то здѣлаю, чтобъ и Камбизъ тебя не получилъ, и чтобъ твое имя было въ вѣчной у потомковъ срамотѣ.

Пулхер. Любезный братъ мой!

Ѳеодосій. Крайнюю обиду и измѣну, помоги Пулхерія отмстить! важную открою тебѣ тайну. Нѣтъ: не тебя Камбизъ въ супружество желаетъ. Онъ Евдоксіи и ея любви лишить меня ищетъ.

Пулхер. Что слышу! подлинно ли такъ?

Ѳеодосій. Увы! къ крайней прискорбности моей истинну тебѣ объявляю. О боже! кто бы чаять могъ, чтобъ Евдоксія съ толь нечистымъ и невѣрнымъ сердцемъ и съ толь лукавою мыслію предъ олтарь, предъ лице бжїе приступить дерзнула!

Пулхер. Какъ! Евдоксія толь подлое и коварное скрываетъ въ груди своей сердце?

Ѳеодосій. Ахъ! есть ли бы ты не столько выхваляла мнѣ ея добродѣтель; до толь крайней горести

ресши не достигнулъ бы я нещастный! ты, ты непрестанно меня увѣряла, что нигдѣ не могу избрать себѣ невѣсты, которая бы столько, какъ она, меня и престола была достойна.

Пулхер. Правда, я отъ того не отрицаюся; но таковою казалася мнѣ быть Евдоксія, и повѣрить еще не могу, чтобъ она теперь со всѣмъ иною и такъ отмѣнною себя являла. безъ пристрастія изслѣдуй ея мысль. Столько иногда человѣка ослѣпляетъ любовь, что часто и съ отверстыми глазами не видитъ. Такъ скоро и безъ зрѣлаго разсужденія не вѣрь беспокойнымъ своимъ мыслямъ. Можетъ быть, что твое беспокойство и страхъ представляютъ тебѣ все въ иномъ видѣ, нежели оно есть въ самомъ дѣлѣ.

Ѳеодосій. Дай боже, чтобъ то такъ было! но толь подлую вспоминая Атенаиды невѣрность, въ несносную погружаюся скорьбь и мученіе.

Что еще сносна несклонность
Жестокаго сéрдца,
Знаетъ всякъ,
Кто любитъ,
И кто въ любви страдаетъ;
Но измѣны и невѣрности
Стерпѣть никакъ невозможно.

Когда ужè къ другому
Сердце твое любовїю пылало;
То почто немилосердая,
Любить ты меня обѣщала?

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ

ПУЛХЕРІЯ а потомъ МАРЦІАНЪ.

Пулхер. Отъ Камбиза, съ которымъ противъ воли моей бракомъ совокупить меня хотѣли, вижу я себя наконецъ свобожденну. Теперь желала бы я облехчить жалостное бѣднаго Марціана мученіе. Но самаго его вижу. Крѣпися, крѣпися духъ мой, и страсти моей ему не открывай!

Марціан. Коль ни свирѣпъ рокъ мой, которой, удаляя меня отъ двора Императорскаго, лишаетъ меня того, что мнѣ всего на свѣтѣ миляе; однако нечаянная радость лютую мою скорбь теперь утоляетъ.

Пулхер. Въ чемъ состоитъ твоя радость?

Марціан. Въ томъ, что не о Пулхеріи вздыхаетъ Камбизъ.

Пулхер. Такъ пріятно тебѣ, что я короны лишаюся?

Марціан. Но какое славы твоея приращеніе могла ты отъ оныя ожидать? Твоя природа и добродѣтели, ужѐ и безъ того на толь высокую возвели тебя величества степень, что въ новыхъ славы вѣнцахъ нужды тебѣ никакой ужѐ нѣтъ. Имѣешь и здѣсь такихъ рабовъ, которые съ равнымъ усердіемъ и вѣрностію повелѣніямъ и красотѣ твоей повинуются.

Пулхер, О! есть ли бы столько смѣлости имѣлъ подданной; то бы я знала какъ . . . . увидѣлъ бы ты . . . .

Марціан.

Марціан. Но со всѣмъ тѣмъ [позволь себѣ сказать] есть такой, кто толикое имѣетъ дерзновеніе. Чтобъ не любить тебя, тщетно употреблялъ онъ всѣ свои силы и всю возможность свою. Многажды представлялъ себѣ высокую твою природу, рабскую свою должность; однако любовь, никакому не уступая рассужденію, всегда торжествуетъ.

Пулхер. Полно: больше слышать не хочу. Кто бы онъ ни былъ, скажи ему, что я желаю, чтобъ онъ продерзостную свою любовь изъ сердца истребить, или съ такою осторожностію скрывать старался, чтобъ я ни малѣйшаго тому знака впредь отнюдъ не видала.

Марціан. Ахъ! когда уже принуждаешь его страдать безъ всякія надежды; такъ позволь, чтобъ по крайней мѣрѣ изъяснилъ тебѣ . . .

Пулхер. Нѣтъ: я ни преступника, ни преступленія его знать не хочу. Будетъ мнѣ милъ и склонности моея достоинъ, сколь долго молчать станетъ. Придетъ время . . . Но поди, опасаюся, чтобъ не сказать чего излишнаго . . . Поди повелѣніе Императора исполни, и мою честь наблюдай. Будь и посреди гремящаго оружія вѣренъ; будь надъ врагами побѣдоносенъ; жизнь свою храни, и ожидай со временемъ достойнаго награжденія.

Марціан Что слышу! о щастіе! но не позволяешь, чтобъ я тебѣ хотя объявилъ . . .

Пулхер. Довольно и того, оставь меня въ покоѣ. [Есть ли долѣе рѣчей его слушать стану; то конечно ослабѣетъ моя твердость]

[Крѣпись мое сердце, присутствуй веселїе]
Надѣйся, но пребудь еще скроменъ и скрывай твое желанїе, [къ Марцїану]
И чтобъ ты противный свой рокъ
Могъ снести великодушно;
Надежда, которую я тебѣ даю
Твою твердость усугубитъ.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ

МАРЦІАНЪ а потомъ АТТИКЪ.

Марцїан. О утѣшныя, о прїятныя слова! вы въ печали моей съ отрадою даете сердцу покой. Нѣтъ: не мечтанїе обольщаетъ мои мысли. Знаю теперь, что Пулхерїи постоянная моя любовь непротивна. Хотя не устами; но дражайшими своими взорами довольно уже дала она мнѣ то выразумѣть. Ярися свирѣпый рокъ! ярися! уже не вовсе я безщастенъ. Радость, которую теперь ощущаю, всѣ бѣды и напасти превосходитъ.

Аттик. Какъ! ты здѣсь? уже давно въ болгары отъѣхавшимъ и предводя войско, продерзость тамошнихъ бунтовщиковъ сокращающимъ

ющимъ чаялъ быть тебя Императоръ. А ты еще здѣсь въ праздности теряешь время! медлѣнность твоя есть новое преступленіе.

Марцїан. Обманываешься Аттикъ. Медлѣнность мою преступленіемъ назвать не можно, когда она не отъ злаго намѣренія и не отъ коварныхъ умысловъ происходитъ. Я волѣ Императора не противлюсь; нохотѣлъ только прежде отъѣзда моего . . . .

Аттик. Знаю: ты хотѣлъ съ любезною твоею Пулхеріею въ послѣдній разъ проститься.

Марцїан. [Какая то злость!] развѣ ты такъ о моихъ поступкахъ толкуешь?

Аттик. Знаю, знаю, что ты Пулхерію любишь; что о ней вздыхаешь. Скажи, не правда ли?

Марцїан. [Какое дерзновеніе!]

Аттик. Тщетно таишься отъ меня Марціанъ, видимая въ лицѣ твоемъ премѣна и твое молчаніе ужè довольно изображаютъ лютое мученіе, которымъ, разлучаясь съ Пулхеріею, сердце твое терзается. Излишно ужè твое притворство; признайся самъ, я больше отъ тебя не требую.

Марцїан. [Чтобъ наказать его безстыдность, нарочно буду молчать.]

Аттик. О бѣдственномъ твоемъ состояніи крайне соболѣзную; но большаго бы сожалѣнія оное достойно было, есть ли бы любовь твоя Пулхеріи была угодна . . . . Я много о любви ея къ тебѣ сумнѣваюсь, и мнѣ

кажется,

кажется, что для того только и тайну сердца своего ты отъ меня скрываешь. Скажи Марціанъ, не правду ли я говорю?

Марціан. Не ожидай никогда, чтобъ я тебѣ открылъ мыслей моихъ тайну.

Красотою ея зараженъ, вздыхаю ли о ней,
И угодно ли ей мое пламя,
Всегда пребудетъ отъ тебя сокровенно.
. . . Боязнь и подозрѣніе, которыя ты являешь,
Тебя непрестанно мучить
А меня веселить станутъ.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

АТТИКЪ.

Аттик. Съ гордостію ругается мною Марціанъ. Но знай, что твоея посылки, съ Пулхеріею тебя разлучающія, причина лесть моя и происки, и что не на тебя только устремляется Аттикъ. Почувствуютъ злобу мою Леонъ, Евдоксія и Пулхерія . . . Пулхерія! . . . О боже! одно имя ея умягчаетъ всю мою ярость. Желаю отмстить мою обиду; но сколь скоро только вспомню пріятный ея взоръ и прекрасное ея лице, отмѣняю мое намѣреніе, забываю мою злобу и отмщеніе.

. . . Когда красоту ея въ мысляхъ воображаю,
Вся бодрость моя ослабѣваетъ;

Когда услышу ея имя ,
Въ груди трепещетъ сердце ;
Когда ее вижу ,
Чувствую, что умираю !
Разорвать свой оковы ,
Ненавидѣть ее хочу ;
Но , лютое терпя мученіе ,
Ужѐ не чувствую покоя
И духъ мой
Ужѐ не имѣетъ ни бодрости ни смѣлости.
[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

Театръ представляетъ въ близи Императорскаго саду амфитеатръ.

ѲЕОДОСІЙ и ЛЕОНЪ.

Ѳеодосій. Тѣмъ предомною Атенаида виновна , что понынѣ отъ меня прежнюю свою любовь таила.

Леонъ. Я , Государь , молчаніе ей наложилъ.

Ѳеодосій. Ты преступленію главная причина , а по тебѣ и дочь твоя преступница.

Леонъ. Позволь мнѣ Государь, сказать, что гнѣвъ всегда неправедный судія. Человѣку , которой съ пристрастіемъ и посреди внутреннихъ души своея безпокойствъ , о поступкахъ другихъ разсуждаетъ , порокомъ и добродѣтель показаться можетъ. Сего ради и мое молчаніе , которое во гнѣвѣ

 твоемъ

твоемъ, виновнымъ меня тебѣ представляетъ, при спокойныхъ мысляхъ разумнымъ назовешь поступкомъ.

Θеодосїй. Ахъ! когда ужѐ могла неблагодарная Евдоксїя, любви моей такъ подло измѣнить; то буду знать какъ . . . увидишь . . .

Леонъ. Тебѣ измѣнить Государь! ахъ, что ты говоришь! развѣ тебѣ еще такъ мало извѣстны, ея и мои искренныя мысли? Вспомни Государь, ту ревность, то почтенїе, ту вѣрность, ту любовь. . . . . . . Но самой Евдоксїи оставляю опровергать несправедливое твое подозрѣнїе. Пойду и ее нарочно для того тебѣ представлю.

Θеодосїй. Кто въ свѣтѣ видѣлъ безпокойство лютѣйшее сего, которымъ теперь сердце мое терзается!

Леонъ. Узнаешь Государь, коль мало къ подозрѣнїю причины ты имѣешь. Суетному твоему безпокойству хочу здѣлать конецъ, и вскорѣ увижу тебя въ другомъ состоянїи.

Смущенїе твое обратится въ радость,
И любовїю зараженное твое сердце
Нѣжное почувствуетъ веселїе.
Свободясь отъ всякїя боязни,
будешь ты сожалѣть,
Что безъ причины сомнѣвался
О непорочной, дочери моея, вѣрности.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ѲЕОДОСІЙ, а потомъ КАМБИЗЪ.

Ѳеодосій. Но какъ я того надѣяться могу! когда подозрѣніе и печаль возмущающія духъ мой ни на одну минуту покоя мнѣ не дають.

Камбиз. Изъ лица моего увидишь Государь, причину, которая меня теперь къ тебѣ приводитъ. Атенаида для тебя любви моей измѣнила. Ты лишаешь меня той, отъ которой зависѣло все мое удовольствіе. Но естьли такъ свирѣпо со мною поступаешь; такъ опасайся, опасайся гнѣва раздраженнаго и отчаяннаго любовника. Весь ужѐ разумъ мой превращается теперь въ лютѣйшую ярость и неистовство. Измѣненная моя любовь требуетъ отмщенія, и ярость мою ничто удержать и утолить не возможетъ.

Ѳеодосій Твои Князь, угрозы, къ сожалѣнію больше, нежели къ гнѣву меня побуждаютъ. И естьли бы я не щадилъ дружбы, меня съ отцомъ твоимъ соединяющія; то бы я за неумѣренную твою гордость привелъ тебя въ раскаяніе. Скажи: кто къ негодованію подалъ тебѣ причину? Скажи: была ли мнѣ когда извѣстна твоя къ Евдоксіи любовь, которою ты еще въ Аѳинахъ зараженъ? Съ того времени, какъ судьба Евдоксію въ градъ сей привела, почти пять лѣтъ ужѐ прошли, а ты лишь теперь искать ее сталъ.

Камбиз. О боже ! Я не зналъ . . . я надѣялся . . но что сказать тебѣ могу , когда ужѐ все смущаетъ мой мысли ! Я въ крайней моей горести ужѐ самого себя не знаю.

Ѳеодосій. Разговоры твой довольно то показываютъ : и естьли бы я хотѣлъ. . . . .

Камбиз. Правда , я должность мою предъ тобою преступилъ, и каяся въ томъ , прошу тебя упустить вину человѣку , котораго ослѣпила крайняя любовь.

Ѳеодосій. Чего же ты отъ меня требуешь ?

Камбиз. О боже ! того Государь , чего изъяснить тебѣ и ожидать я не смѣю. Испытуй свое сердце , и посмотри , сколько съ нещастнымъ имѣть можешь великодушія : въ требованіи моемъ ничего я тебѣ не предписую. Сжалься Государь , видя мое мученіе ! ужѐ гордость моя побѣжденна ; милосердія отъ тебя ожидаю.

Ѳеодосій. Когда такъ , то покажу тебѣ Камбизъ , могули я быть великодушенъ. Поди объяви Евдоксіи , [къ одному стражу , которой получа повелѣніе отходитъ] чтобъ немедлѣнно сюда пришла. Я хотя люблю ее больше , нежели самого себя ; однако хочу , чтобъ ея ко мнѣ склонность была плодомъ не страха , но любви. Дадимъ ей Князь , свободу избрать изъ насъ , кого она сама пожелаетъ. Услышимъ изъ собственныхъ ея устъ рѣшительное и страшное судьбы нашея опредѣленіе. И вѣрь , что радоваться

буду

буду, естьли оно воспослѣдуетъ въ твою пользу, и завидовать тебѣ не стану въ полученіи сердца, которое по собственной своей склонности тебѣ отдается. Но ежели меня тебѣ предпочтетъ Евдоксія, тогда съ терпѣніемъ сноси рокъ свой, и неправедными твоими жалобами и огорченіемъ не разрушай больше покоя любви нашей.

Камбиз. О великодушіе! я съ разумнымъ мнѣніемъ твоимъ совершенно согласуюсь. Когда судьба моя отъ Евдоксіи зависитъ; то нещастнымъ себя видѣть ужѐ не опасаюся.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

АТЕНАИДА и прежніе.

Ѳеодосій. Признаваюся, что въ моемъ съ тобою, дражайшая Евдоксія, супружествѣ, поставлялъ я все мое благополучіе; но мало оное почитаю, когда ты моему желанію и любви, однимъ только словами а не сердцемъ отвѣтствуешь. Я волѣ твоей оставляю дать сердце тому, кто тебѣ миляе, Камбизу или мнѣ. Не смотри на достоинство, но избирай себѣ любителя, которой тебѣ больше пріятенъ.

Атенаид. Какъ Государь! . . . . . . ты требуешь, чтобъ я . . . . подумай . . . .

Ѳеодосій. Нѣтъ: покидаю тебя одну съ Камбизомъ. Свободно и безъ всякаго принужденія можешь

жешь открыть ему свое сердце, и какое бы ты ни приняла намѣреніе, клянуся Императорскою короною, что оному безпрекословно слѣдовать буду: а хотябъ я покоя и жизни лишился; однако хочу противнаго моего рока опредѣленіе изъ устъ твоихъ, спокойно и безъ огорченія услышать.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕНАДЕСЯТЬ.

АТЕНАИДА и КАМБИЗЪ.

Атенаид. О долгѣ! о искушеніе!

Камбиз. Еще допускаетъ меня судьбина тебя, любезнѣйшая Атенаида, видѣть и съ тобою говорить! ужè мученія моего увижу конецъ, естьли не отречешся дать отраду сердцу, которое искренно, вѣрно и постоянно тебя любитъ. Отъ одного еще только дни зависѣло, чтобъ я во вѣкъ тебя лишенъ былъ? Ахъ! когда ужè къ жалости преклоненные боги меня къ здѣшнимъ привели брегамъ; такъ дай дражайшая, за мою къ тебѣ горячность и любовь, достойное награжденіе: предпочти меня Ѳеодосію.

Атенаид. Когда я, Государь, ужè принуждена . .

Камбиз. Какъ! Государемъ меня называешь! чаялъ ли я отъ тебя такой холодности! скажи: для чего пріятныхъ именъ жениха и любовника изъ устъ твоихъ ужè не слышу?

Скажи

Скажи для чего опасаешся, чтобъ взоры очей твоихъ не встрѣчались съ моими? и для чего смущаешся?... вспомни прежнюю любовь, и взаимныя наши воздыханія, вспомни тѣ клятвы, которыми ты въ Аѳинахъ о своей любви меня увѣряла, и здѣлай воздаяніе долговремянному моему мученію и непремѣнной вѣрности.

Атенаид. [Крѣпися духъ мой!] Выслушай меня Камбизъ, и дай мнѣ добродѣтели твоея опытъ.

Камбиз. Говори: [о лютое мученіе!]

Атенаи. Есть ли ты въ то время, какъ объявлялъ мнѣ твою любовь, безъ притворства говорилъ мнѣ правду; такъ вспомнить еще можешь, что ты меня тогда увѣрялъ, что не столько любишь во мнѣ красоту какъ благородное сердце и непорочную душу.

Камбиз. Правда: я то говорилъ.

Атенаи. Пріятно ли тебѣ будетъ, есть ли я ту добродѣтель, которая тебя столько тогда прельщала, и нынѣ сохраню?

Камбиз. Кто же бы того желать не сталъ?

Атенаи. Такъ позволь, чтобъ я мою руку, сердце и любовь дала Ѳеодосію.

Камбиз. Какъ! О небо! что я слышалъ? Скажи, что тебя къ такому противъ меня побуждаетъ свирѣпству?

Атенаи Сего требуетъ отъ меня долгъ мой, справедливость, вѣрность, честь и благодарность.

ность. Я превеликою милостію отъ Императора взыскана: Онъ меня любитъ, все свое удовольствіе во мнѣ полагаетъ, я же ему и обручена. И такъ подумай, могу ли я преступить мою клятву, и вмѣсто должныя благодарности, крайнему моему благодѣтелю измѣнить и его покинуть? Ахъ! нѣтъ. Самъ бы ты меня за то порицать сталъ. Что бы тогда была безвинная душа и благодарное сердце, которыя во мнѣ толь тебѣ пріятны были, и которыя меня любить тебя заставляли?

Камбиз. Что я теперь слышу! такъ я ужѐ въ тебѣ никакой надежды не имѣю?

Атенаи. Окончалось твое упованіе.

Камбиз. Увы мнѣ нещастному! Какую во всей внутренней моей чувствую премѣну! О лютая скорбь! О несносная печаль! Коль многія препятствія полагало ужѐ въ желаніяхъ моихъ, свирѣпство противнаго рока! однако твердость моя торжествовала надъ всѣми устремившимися на меня бѣдами. Я умягчилъ жестокость разгнѣваннаго и немилосердаго моего отца; а теперь та, отъ которой никакого не ожидалъ свирѣпства, толь жестокимъ ударомъ поражаетъ и терзаетъ грудь мою.

Атенаи. [бодрствуй духъ мой!] Потщися о Князь! потщися утолить печаль свою, и престань негодовать. Дай мнѣ последовать моей судьбинѣ. Повинуйся опредѣленію

насъ

насъ разлучающаго рока. И есть ли меня любишь; такъ не нарушай покоя сердца моего. Сей великій добродѣтели моея опытъ больше мнѣ стоитъ, нежели ты повѣрить можешь. Потщися теперь не токмо подражать моему примѣру, но и превзойтить оный. Знаю, что ты здѣлать то въ состояніи. Знаю довольно твое великодушіе и мужество, и ужѐ ясно вижу изъ лица твоего, что ты страсти утолять и себя побѣждать можешь.

Камбиз. Но какая плѣняетъ меня вышеестественная сила! . . . . . О какую власть имѣешь ты надъ сердцами! О какъ ты прекрасная Атенаида, оныя покорять себѣ можешь! Слова твои новую вселяютъ въ грудь мою бодрость, и превращая любовь въ почтеніе новую къ тебѣ страсть въ сердцѣ моемъ возбуждаютъ.

Атенаи. Такъ я ужѐ стану надѣяться, что покоя моего нарушать не будешь? И что сокроешь предомною любовь должности моей противную.

Камбиз. Не опасайся ничего драгая! увидишь, что ты не тщетно великодушія отъ меня ожидала; что я твою честь столько люблю, сколько себя самого, и что въ сердцахъ, въ которыхъ добродѣтель обитаетъ, любовь только одной добродѣтели плоды производитъ.

Вѣрь драгая! что вѣренъ тебѣ буду,
Потщуся скрывать пламя грудь мою воспаляющее,
И жалобами моими
Нарушать покоя твоего не стану.
Правда: чувствую, что нѣжная страсть
Теперь духъ мой смущаетъ;
Но толь лютое мученіе снося великодушно
Еще я себя побѣдить умѣю.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕНАДЕСЯТЬ

АТЕНАИДА а потомъ ЛЕОНЪ.

Атенаид. бурные противнаго рока вѣтры ужѐ успокоены; моя добродѣтель надъ всѣми препятствіями торжествуетъ.

Леонъ. Приди и обними меня дщерь, крови моея достойная! толь важный великодушія твоего опытъ, которой Императору тебя возвращаетъ, мнѣ ужѐ извѣстенъ. О коль неизреченную пріобрѣла ты себѣ славу! Правда: великія ожидалъ я отъ тебя твердости; однако сіе прехвальное, которое ты теперь показала, дѣло всю мою надежду превосходитъ.

Атенаид. Я здѣлала то, что Леоновой дщери прилично. Но спѣши дражайшій мой отецъ, увѣдомить о томъ Ѳеодосія.

Леонъ. Часъ къ начатію позорища ужѐ настаетъ, и для того вскорѣ Императора здѣсь увидимъ. Однако хочу его предупредить: знаю

знаю, коль великое о сей пріятной вѣсти почувствуетъ онъ веселіе.

Атенаид. Скажи ему мою побѣду, но не объявляй притомъ, коликаго, о боже! труда она мнѣ стоила: и коль тяжкимъ мученіемъ въ лютую сію минуту терзался духъ мой.

Леонъ. Безъ сраженія побѣды одержать не удобно. Но кто въ поступкахъ своихъ одной только добродѣтели слѣдуетъ, тотъ и сильнѣйшее страстей своихъ устремленіе побѣдить можетъ, тотъ спокойно и съ удовольствіемъ потомъ вспоминаетъ прошедшія напасти.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕНАДЕСЯТЬ.

АТЕНАИДА.

Атенаид. Тебѣ о добродѣтель! приписую сладкій покой, который я по толь многихъ бѣдствіяхъ въ себѣ теперь ощущаю; тобою всѣ прошедшія напасти забываю.

Когда пріятная весна цвѣтами поля украшаетъ,
Тогда пастушка забываетъ зимнія погоды суровость
И ничто въ домѣ удержать ее уже не можетъ:
Она въ луга и въ лѣса съ радостію поспѣшаетъ
Пасти любезное свое стадо.
Съ такимъ же удовольствіемъ теперь и я,
Когда уже миновалась опасность,
Скорбь свою забываю,
И съ радостію пользуюся сладкимъ покоемъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

Слѣдуетъ балетъ взятье златаго Руна представляющій.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Театрѣ представляетѣ особливое и нѣсколько удаленное мѣсто вѣ Императорскомѣ домѣ.

АТТИКѣ одинѣ вѣ глубокомѣ размышленіи.

Аттик. Вижу, что нѣтѣ для меня никакого спасенія, есть ли новою лестію безопасности моей искать не буду; ужѐ безполезно суетною теперь ласкать себѣ надеждою. Евдоксія предпочла Камбизу Императора, и сочетаясь сѣ нимѣ, всѣми ббразами искать погибели моей станетѣ. Не льзя, чтобѣ она мнѣ не завидовала вѣ Ѳеодосіевой ко мнѣ милости и довѣренности. Еще я помню, сѣ какою она гордостію укоряла меня пороками моими. Камбизѣ лишась ея, любовь свою безѣ сомнѣнія обратитѣ кѣ любезной моей Пулхеріи: знаю, что Императорѣ не откажетѣ ему дать сестру свою вѣ супружество. А я потерявѣ ее могу ли видѣть всегда предѣ собою ту, которую я ненавижу? Нѣтѣ, нѣтѣ: поздно ужѐ теперь многими размышленіями обремѣнять свою совѣсть. Должно всѣ употребить средства, чтобѣ Императору не досталась Евдоксія: возбужду опять вѣ Камбизѣ прежнюю его кѣ ней любовь, и склоню его кѣ насильному ея увезенію. Вѣ толь трудномѣ предпріятіи служить мнѣ будутѣ Императорскіе стражи, которыхѣ я кѣ

тому

тому нарочно ужѐ подкупилъ: и есть ли моя судьба . . . Но мнѣ кажется, что Камбизъ сюда идетъ . . . пойду и начну коварство и обманъ мой производить въ дѣйство . . . О! есть ли симъ способомъ получу въ намѣреніи моемъ желанный успѣхъ, тогда и лесть моя похвальна будетъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЛЕОНЪ и МАРЦІАНЪ,

за которымъ слѣдуетъ Императорскій стражъ.

Леонъ. Какъ! новыхъ опасаешся еще подъисковъ? Скажи Марціанъ, что тебѣ толикій страхъ и подозрѣніе приключаетъ?

Марціан. Нѣкто изъ порученныхъ мнѣ прежде сего Императорскихъ стражей, которой всегда былъ мнѣ вѣренъ [показывая на стража за нимъ на театръ вышедшаго] недавно мнѣ въ повѣренности открылъ, что Аттикъ отважнѣйшихъ между ими особливою обязалъ присягою, чтобъ въ сію ночь готовы были немедлѣнно исполнить то, что онъ имъ прикажетъ: не знаетъ, въ чемъ то состоитъ; но опасается коварства или измѣны.

Леонъ. Всего другъ мой, всего отъ безсовѣстнаго сего человѣка ожидать и опасаться должно. Можетъ быть, что не на одного тебя устремляется Аттикъ. Можѐтъ иногда . . . Но поди, въ толь крайней опасности всѣ

свой старанія соедини съ моими: ищи, спрашивай, испытуй и подумай, что и малѣйшее, которое увѣдаешь, обстоятельство въ пользу твою и предосторожность служить можетъ.

Марціан. Но когда я ужѐ вскорѣ градъ сей, О небо! оставить принужденъ; то какую помощь отъ меня ты получить надѣешся . . .

Леонъ. Ахъ нѣтъ . . . отложи еще на время отъѣздъ свой. Присутствія твоего общія безопасность требуетъ всемѣрно; хочу, чтобъ Императоръ зналъ, что пребыванію твоему здѣсь, я причина. Поди собери, сколько можешь, твоихъ пріятелей, и немедлѣнно поставя ихъ у сей ограды, все примѣчай съ прилѣжаніемъ. Я между тѣмъ пойду предостеречь дочь свою, и вскорѣ сюда опять возвращуся. Кто можетъ знать, не настало ли ужѐ теперь то время, въ которое Аттикову измѣну наказанну, а себя удовольствованна увидишь.

Марціан. Ты такъ хочешь Леонъ, волю твою исполню, и твоими руководствуемъ совѣтами, не страшуся никакого коварства и опасности

[оба съ поспѣшностію отходятъ въ разныя стороны]

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

КАМБИЗЪ и АТТИКЪ.

Камбиз. Ахъ! что ты мнѣ предлагаешь? или хочешь, чтобъ разнесся слухъ, что Камбизъ толь малодушенъ?

Аттикъ.

Аттик. Ты то Князь, малодушіемъ называешь, чтобъ получить ту, которую ты любилъ, которая тебя любила, и которая можетъ быть еще и теперь вѣрное сохраняетъ тебѣ сердце?

Камбиз. О боже! не искушай Аттикъ, такимъ обольщеніемъ колеблющуюся и еще довольно неутвержденную мою добродѣтель! знаешь, что я Евдоксію въ покоѣ оставить обѣщалъ. Какимъ образомъ могу я, нарушивъ данное мое слово, согласиться на толь безбожное дѣло и предпріять насильное ея увезеніе?

Аттик. О! есть ли бы ты еще имѣлъ къ ней искреннюю любовь....

Камбиз. Ахъ! я крайне ее люблю: тщетно и понынѣ стараюся истребить изъ моего сердца воспаленный красотою ея пламень.

Аттик. Для чегоже напрасно мучишься? отъ тебя зависитъ получить твою любезную, а ты самъ не хочешь видѣть себя щастливымъ.

Камбиз. Но..... здравое разсужденіе....

Аттик. Любовь не взираетъ ни на какое разсужденіе.

Камбиз. Клятвенное мое обѣщаніе....

Аттик. Клятвы любовниковъ всегда суетны.

Камбиз. Императоръ......

Аттик. Онъ лишая тебя твоей любезной, самъ показываетъ тебѣ примѣръ.

Камбиз. Увы! я чувствую, что разговоры твои меня прельщать начинаютъ.... но... не хотѣлъ бы я....

Аттик. Не имѣй никакого сомнѣнія. Позволь, чтобъ я теперь пошелъ немедлѣнно и полнить со всѣмъ пріуготованное мое предпріятіе; возвращуся къ тебѣ съ Евдоксіею; а ты выди къ намъ на встрѣчу съ людьми своими, и къ отъѣзду вели пріуготовить корабли твои.

Камбиз. Не хочу больше волѣ твоей {по краткомъ размышлении.} супротивляться : полагаюся на твою вѣрность.

Аттик. Смѣло надѣйся на меня : твоего только ищу удовольствія.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАМБИЗЪ

Камбизъ. Никогда въ толь великомъ не бывалъ духъ мой смущеніи и беспокойствѣ. Хочу соблюсти должность, преступить не хочу предѣловъ добродѣтели; но со всѣмъ тѣмъ, не знаю какъ, вижу себя привлеченна на путь пороковъ. Θеодосій . . . Евдоксія . . . мои обѣщанія . . . вѣрность . . . моя честь . . . любовь моя . . . все воображается теперь моимъ мыслямъ; все хотѣлъ бы я согласить. Полагаю намѣреніе . . . раскаиваюся . . . новыми колеблюся сомнѣніями . . . и будучи нѣчто избрать принужденъ, полезные совѣты оставляю, и слѣдую неполезнымъ.

Такимъ

Такимъ образомъ путешествующаго приводятъ въ сомнѣніе
Двѣ разныя дороги.
Онъ то на ту, то на другую смотритъ;
Но въ сомнѣніи своемъ
Не знаетъ, которою итти ему должно.

Однако самая та опасность, которой онъ избѣгаетъ,
Ободряетъ его,
Такъ что онъ на конецъ обманчивую дорогу
избираетъ,
Которая заведя его въ непроходимые лѣсы
Многимъ подвергаетъ напастямъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ЛЕОНЪ.

Леонъ. О звѣзды! я весь Императорской домъ прошелъ, ищу дочери своей; но нигдѣ найтить ее и провѣдать не могу, что съ нею здѣлалось . . . Неисчетныя и преужасныя подозрѣнія терзаютъ теперь духъ мой. Можетъ статься, что безъ причины страшуся: но иногда . . . ахъ, есть либъ только возвратился ко мнѣ Марціанъ! могъ бы онъ вывесть меня изъ сомнѣнія; онъ чаятельно ужè открылъ коварныя Аттика сѣти, и тогда могъ бы я . . . но какой слышу я разныхъ голосовъ смѣшанный звукъ и шумъ ходящихъ въ близости людей! . . . . пойду и посмотрю, что такое сталось.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

АТЕНАИДА и АТТИКЪ.

съ подкупленными Императорскими стражами.

Атенаид. Ещели мнѣ не скажешь, куда ты меня ведешь?

Аттик. Провождаю тебя къ твоему жениху.

Атенаид. Почтожъ изъ Императорскаго дома итпить меня ты принуждаешь? Возвратимся туда опять!

Аттик. Пора открыть тебѣ истинну: я говорю о Камбизѣ, а не о Ѳеодосіи.

Атенаид. Какъ!

Аттик. Веду тебя на Камбизовы корабли.

Атенаид. О непотребный! ты думаешь, что Евдоксія къ такому гнусному предпріятію склониться можетъ? Нѣтъ: хочу лучше, чтобъ прежде громъ и молнія меня поразили, и тѣло мое въ прахъ обратили, нежели . . .

Аттик. Уже тщетно твое упорство: рокъ твой отъ стражей сихъ зависитъ [указывая на сообщниковъ своихъ] и естьли въ сей часъ не пойдешь со мною; такъ я принужденъ буду употребить силу.

Атенаид. Но подумай . . . о боже! о лютая бѣда! о ужасный день!

Аттик.

Аттик. Поди, не медли.

Леонъ съ тойже стороны опять возвращается, съ которой онъ отходилъ.

ЛЕОНЪ и прежніе.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Леонъ. Стой измѣнникъ!

Аттик. Леона вижу! о злополучная встрѣча!

Атенаид. Любезный отецъ мой, въ какой опасности и въ какихъ рукахъ меня нещастну ты теперь видишь!

Леонъ. Доколѣ живъ я, ничего не опасайся: посмотримъ, кто у меня отнять тебя отважится.

[обнажаетъ мечь свой]

Аттик. Ужѐ время исполнить мое повелѣніе, повлеките Евдоксію къ Камбизовымъ кораблямъ [говоритъ сообщникамъ своимъ] и ни чьей не щадите крови, кто вамъ въ томъ препятствовать осмѣлится.

Атенаид. О горесть! о лютая минута! ахъ любезный мой отецъ! противъ множества людей не ввергайся въ толикую опасность.

Леонъ. Такъ я другое употреблю средство . . . но могули я, о боже, въ семъ состояніи тебя покинуть? Ахъ! нѣтъ . . . . . [когдабъ

только возвратился Марціанъ!] о ужасная минута! . . . скажи безсовѣстный! скажи, какъ ты о толь неслыханномъ злодѣйствіи помыслить могъ? . . . опасайся гнѣва Государя своего, опасайся ярости и отмщенія раздраженнаго отца.

Аттик. Ужѐ суетны нынѣ Леонъ, твои угрозы. Слышали ли вы, что я вамъ приказывалъ.

[къ сообщникамъ своимъ]

Атенаид. Увы!

Леонъ. Постой варваръ! послушай . . . . кто подастъ мнѣ помощь? . . . ахъ любезная дщерь! о измѣнникъ! симъ мечемъ . . . . о боже! . . . какое несносное мученіе! . . . . въ ярости и въ родительской горячности, ужасаюся, кипитъ кровь моя, возпаляюся гнѣвомъ, и всѣ страсти совокупно сердце мое терзаютъ . . . не знаю, во снѣли или въ явѣ вижу то, что теперь со мною дѣлается; не знаю, куда обратить стези мои . . . не знаю что предпріять . . . о лютый день!

Какъ возмогъ ты непотребный,
Вложить въ мысли свои толь коварное
предпріятіе!

Ужѐ не могу удержать
Праведнаго гнѣва.

Иду . . . но куда о боже!
Остановлюся . . [не вижу еще Марціана]
Кто въ свѣтѣ толикое о звѣзды!
Терпѣлъ, какъ я, мученіе?

Аттик.

Аттик. Отнимите Евдоксію изъ рукъ Леона; употребите къ тому силу, и слѣдуйте примѣру моему.

[къ сообщникамъ своимъ]

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ

МАРЦІАНЪ.

съ обнаженнымъ мечемъ, а за нимъ выходятъ вооруженные его друзья и прежніе.

[Въ самое то время, когда Аттиковы сообщники хотятъ напасть на Леона, выходитъ Марціанъ съ своими друзьями, которые ихъ отогнавъ отъ Леона, по краткомъ сраженіи обращаютъ въ бѣгство.]

Марціа. Престаньте коварные!

Аттик. О нещастіе!

Леонъ. О пріятное пришествіе!

Атенаи. Чувствую отраду.

Марціа. Ужѐ открылися твои, измѣнникъ, коварные происки. Ужѐ извѣстны они Императору, и къ праведному возбужденъ на тебя гнѣву, приготовляетъ достойное тебѣ наказаніе.

Аттик Я еще не отчаяваюся; къ достиженію моего намѣренія много еще другихъ средствъ имѣю.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ѲЕОДОСІЙ со стражею, а потомъ ПУЛХЕРІЯ и прежніе.

Ѳеодосій. Стой непотребный!

Атенаи. Ахъ любезныи мой женихъ!

Леонъ. Великій Императоръ!

Марціан. Государь!

Аттик. Пришла моя погибель.

Ѳеодосій. Наложите на сего измѣнника оковы [къ стражамъ] еще вижу я тебя любезная Евдоксія! О коль много я любви твоей долженъ! О коль великихъ похвалъ достойна твоя добродѣтель!

Пулхер. О въ какомъ поынѣ была я для тебя безпокойствѣ!

Атенаи. Ахъ, естьли бы не помогъ мнѣ отецъ мой и вѣрный Марціанъ; кто вѣдаетъ, къ какой крайности сей варваръ меня привесть умышлялъ! О боже, отъ одного о томъ воспоминанія вся кровь во мнѣ хладѣетъ!

Ѳеодосій. А я по коварнымъ Аттика наущеніямъ усомнѣлся о твоей Марціанъ вѣрности! отнялъ у тебя Императорскую стражу, и поручилъ ему! Но все прошедшее предадимъ забвенію: Я возвращаю тебѣ прежній твой чинъ: будь при мнѣ безотлучно: будь главный всѣхъ войскъ моихъ предводитель. А тебѣ Леонъ даю въ совѣтѣ моемъ первое по Пулхеріи мѣсто; вы будете столпы имперіи.

Леонъ. О щастіе!

Марціан. О радостная минута!

Ѳеодосій. Поди Марціанъ, пригласи сюда Камбиза; и его коварными своими сѣтьми, Аттикъ уловилъ! Знаю, чтобы Камбизъ прежнюю любовь свою ужѐ истребилъ, естьли бы сей зло-

дѣй оную лестію и происками своими, въ немъ не возобновилъ. Объяви ему все, что ты теперь видѣлъ: Скажи, что я желаю имѣть его гостемъ при бракѣ моемъ; уговори его къ тому.

Марціан. Исполню Государь, повелѣніе твое.

[отходитъ]

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

ѲЕОДОСІЙ, АТЕНАИДА, ПУЛХЕРІЯ, ЛЕОНЪ и АТТИКЪ.

Пулхер. [Ты сердце въ груди трепещешь! знаю для чего.]

Леонъ По толикихъ бѣдствіяхъ чувствую на конецъ покой.

Ѳеодосій. Изобрази себѣ, дражайшая Евдоксія, мое состояніе, и посмотри, какую крайнюю неблагодарность, сей измѣнникъ мнѣ за толь многія благодѣянія являетъ.

Пулхер. Ахъ, кого ты столько любилъ? Кого ты такъ щедро награждалъ? Еще не всѣ преступленія его тебѣ извѣстны. Продерзость его толь далеко простиралась, что онъ любовникомъ моимъ объявить себя отважился, и увидя праведный мой къ себѣ гнѣвъ, въ собственномъ своемъ преступленіи, безсовѣстно и всякимъ коварнымъ злословіемъ обнесъ тебѣ Марціана.

Ѳеодосій. О непотребный! ты къ такой крайности..

Аттик.

Аттик. Правда : люблю Пулхерїю, ненавижу Евдоксїю. Я съ тѣмъ намѣренїемъ хотѣлъ тебя лишить невѣсты твоея, чтобъ Камбизъ, не имѣя никакой надежды получить ея, не сталъ желать себѣ въ супружество Пулхерїи, сверьхъ того старался я удалить отъ тебя ту, которая мнѣ несносна. Но когда ужѐ свирѣпство рока желанїю моему противится, иду на смерть въ отчаянїи : не страшуся твоего гнѣва : не ожидаю отъ тебя прощенїя : не прошу ни о какой милости.

Атенаид. } *Пулхер.* } О варварское свирѣпство !

Ѳеодосїй. } *Леонъ.* } О безумная гордость !

Ѳеодосїй. Отъ тебя непотребный !
Вся скорбь наша происходитъ.

Атенаид. Ты лишилъ меня покоя,
Ты былъ причиною лютому моему мученїю.

Пулхер. Нѣтъ : не сыщется
И въ Ирканскихъ пустыняхъ
Свирѣпѣйшаго тебя звѣря.

Леонъ. Нѣтъ : сердца толь злобнаго
Ни въ комъ я не видалъ.

Аттик. Всѣмъ моимъ преступленїямъ
Злощастная моя любовь виновна.

Атенаид. } *Леонъ.* } Дерскїй, не говори !

Ѳеодосїй

Феодосій. / *Пулхер.* } Ужасайся гордый! и молчи,

[всѣ четыре вмѣстѣ] Неблагодарный! измѣнникъ!

Атенаид. О коликимъ беспокойствіемъ
Духъ мой понынѣ смущался!

Пулхер. О коль великое чувствую я теперь
Въ сердцѣ моемъ движеніе!

Аттик. Красоты твоея заразы причиною были . . .
[къ Пулхеріѣ]

Атенаид. / *Пулхер.* } Молчи недостойный!

Леонъ. Гнѣвъ, родительская горячность,

Феодосій. Ярящаяся ревность,

Аттик. Угрызающая совѣсть, ужасъ, мученіе.

[всѣ пять вмѣстѣ] Престаньте теперь
Терзать мое серце.

[отходятъ]

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕНАДЕСЯТЬ.

Театръ представляетъ залу, къ Феодосіеву браку и къ коронованію Атенаиды, великолѣпно украшенную. По одну сторону стоитъ тронъ, на которомъ лежитъ скипетръ, корона и другіе Императорскаго достоинства знаки.

КАМБИЗЪ и МАРЦІАНЪ.

Камбиз. Оскорбивъ Феодосія новою обидою, съ какимъ лицемъ предъ него представить осмѣлюся?

Марціан. Ужѐ извѣстны Императору Аттиковы коварные происки; ужѐ онъ довольно знаетъ, что Аттикъ тебя обольстилъ и для того къ тебѣ гнѣва никакого не имѣетъ.

Камбиз. Коль больше Ѳеодосіево великодушіе, толь тяжчае мое предъ нимъ преступленіе. Ахъ! позволь чтобъ я изъ града сего выѣхалъ, и ввержен въ срамоту въ удаленіи сокрылся. Присудствіе мое въ толь радостный день, не можетъ быть Ѳеодосію пріятно.

Марціан. Но онъ напротивъ того желаетъ тебя видѣть на бракѣ своемъ; повѣрь, что страхъ твой суетенъ: Ѳеодосій желаетъ тебя имѣть себѣ другомъ, и забывая прошедшее, тѣмъ бóльшую ощущаетъ теперь радость, чемъ лютяе прежнее его было мученіе.

Мученіе и напасть,
Когда миновались
Сугубое раждаютъ веселіе.

Тогда и воспоминаніе
Прошедшихъ бѣдъ,
Противнаго рока,
Радостно бываетъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕНАДЕСЯТЬ.

ЛЕОНЪ, ПУЛХЕРІЯ и прежніе.

Пулхер. О Князь!

Леонъ. Государь!

Пулхер.

Пулхер. При общей всѣхъ радости для чего тебя вижу такъ печальна ?

Камбиз. Причина тому о боже ! горестное воспоминанiе моихъ противъ Θеодосія преступленій.

Леонъ. Нѣтъ : я знаю съ какимъ великодушіемъ ты побѣдилъ прежнюю свою любовь къ Евдоксіи. И хотя потóмъ, злыми совѣтами руководствуемъ, удалился ты отъ пути добродѣтели ; однако тѣмъ самимъ обманомъ, которымъ ты обольщенъ былъ, нынѣ государство отъ коварнаго Аттика свобождается. Ужѐ узналъ теперь Θеодосій, кого онъ столько любилъ, и кого толь щедрыми обогащалъ дарами, и съ собственнымъ своимъ вредомъ узнавъ истинну, преступленіе наказуетъ и награждаетъ добродѣтель.

Марціан. Я равномѣрно получилъ теперь новые опыты его ко мнѣ милости. Щастливъ бы я былъ, есть либъ я отъ Пулхеріи надѣялся склонности.

Пулхер. Я волѣ брата своего противиться не буду. Знаю коль много ты страдалъ : Желаю и тебя видѣть довольнымъ ; однако . . .

Марціан. Но со всѣмъ тѣмъ сказать мнѣ еще не хочешь, что моя любовь тебѣ угодна.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ѲЕОДОСІЙ, АТЕНАИДА

и прежніе съ великимъ стражей и народа множествомъ.

Пулхер. Императорскій бракъ уже совершенъ: се идетъ Ѳеодосій и Евдоксія: слышу радостный вѣрныхъ подданныхъ плескъ и восклицаніе.

Ѳеодосій. Теперь усугуби Князь, всю свою бодрость и твердость. Малодушія отъ тебя не ожидаю, уже довольно извѣстна мнѣ твоя добродѣтель.

Камбиз. Прежнія моея къ Евдоксіи любви принесенныя тебѣ на жертву, какъ оная была ни велика, не можно сравнять съ великодушіемъ, которымъ ты мнѣ мои преступленія оставляешь.

Ѳеодосій. Полно: о прошедшемъ престанемъ говорить. Я все то предаю теперь забвенію; прошу тебя о твоей дружбѣ, [обнимаетъ его] и въ радостный сей день каждаго совершенно щастливымъ видѣть желаю.

Атенаид. Уже миновалися всѣ мои бѣды и напасти.

Ѳеодосій. Уже имѣю тебя дражайшее мое сокровище!

Атенаид. Невинность моя небомъ самимъ защищаема была.

Ѳеодосій. Желанія наши исполнены, и судбина наконецъ нашему сочетанію не возпрепятствовала.

Леонъ. боязнію и страхомъ уже не смущается духъ мой. *Атенаида*

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ

Атенаид. Свирѣпства рока ужѐ не ужасаюся.

[всѣ вмѣстѣ.] О радостный день! о благополучная любовь!

Атенаид. Когда ты ужѐ каждаго щастливымъ теперь видѣть желаешь; склонись къ прозьбѣ моей, даруй Аттику животъ, и сообщникамъ его отпусти вину ихъ.

Θеодосій. Я во всемъ волѣ и желаніямъ твоимъ повинуюся.

[всѣ вмѣстѣ.] О любви достойная добродѣтель!

Атенаид. Когда ужѐ ты даешь . . .

Θеодосій. Полно: всходи на престолъ, облекися въ порфиру, пріими скипетръ, и на главу свою возложи Императорскій вѣнецъ: сего любовь твоя ко мнѣ и вѣрность совершенно достойны. Пріими должное за добродѣтель твою награжденіе.

[Слѣдуетъ коронованіе и въ тоже время хоръ и балетъ]

ХОРЪ

Достизайте до концовъ вселенныя
Похвалы и слава великаго имени той,
Которая добродѣтельми своими
Большее трону даетъ,
Нежели отъ него получаетъ, сіяніе.

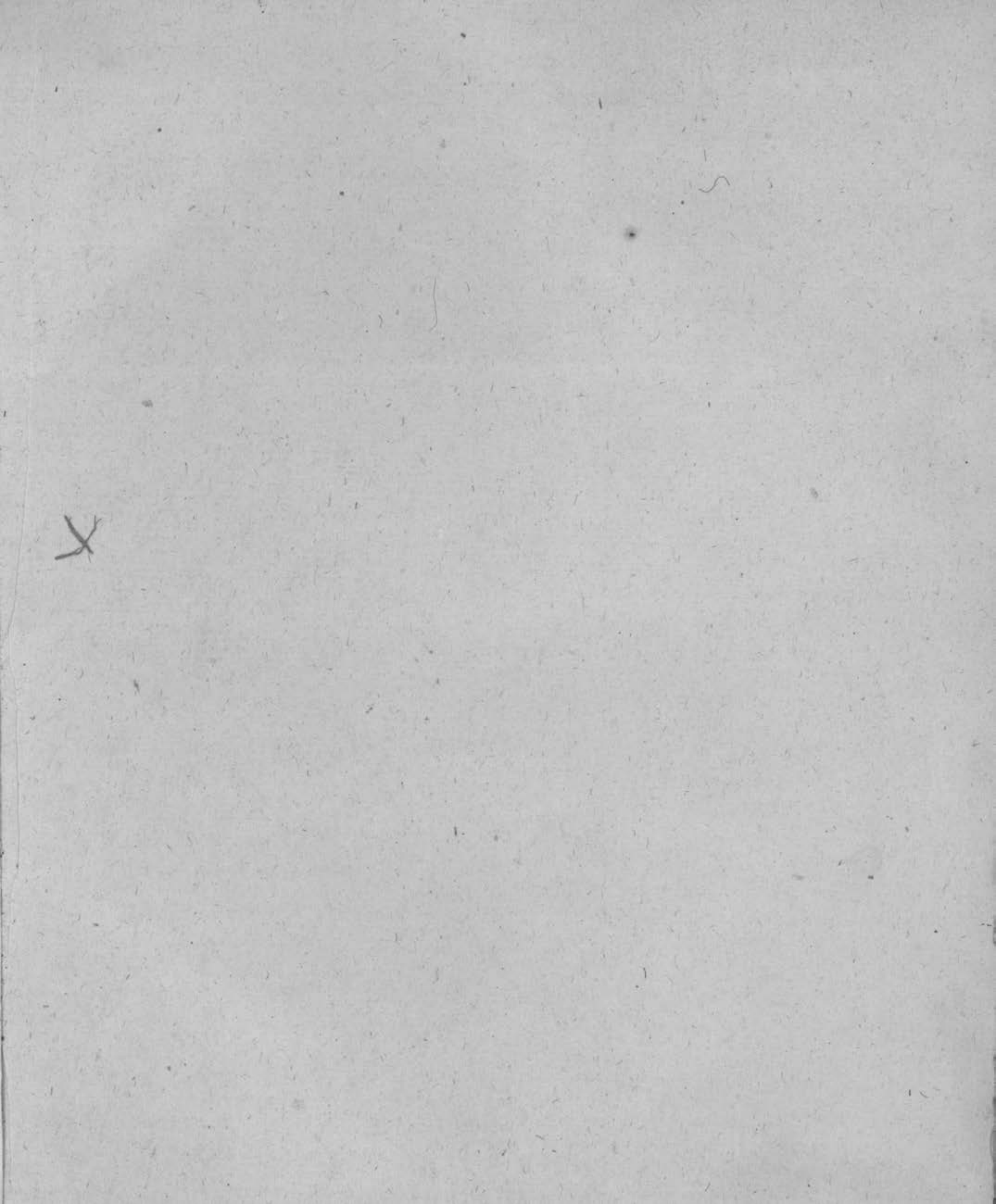
Ужѐ увѣнчанна глава ея
Лаврами и короною,
Ужѐ получила добродѣтель
Достойное себѣ награжденіе.

ПРИ ОКОНЧАНІИ АВТОРОВО ПРИВѢТСТВІЕ.

Признаюся, что подъ именемъ Евдоксіи скрывается мое почтеніе. Стихи мои нѣчто величайшее представляютъ. Когда безсмертную ея славу, Геройскія и тронъ украшающія добродѣтели прославляю; то въ устахъ Евдоксію, а въ сердцѣ ЕЛИСАВЕТУ имѣю.

Балеты изобрѣтены и составлены Г. Антоніемъ Риналдіемъ Фосаномъ, ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА балетъ-мейстеромъ.

18 век.
ГПБ Русский фонд
18.155. 2.15.